

**ПЛЕЯДЫ-ОТВЕРСТИЯ,
МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ КАК ДОРОГА ПТИЦ, ДЕВОЧКА НА ЛУНЕ:
СЕВЕРОЕВРАЗИЙСКИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ
В ЗЕРКАЛЕ КОСМОНИМИИ***

Обозначения Плеяд, Млечного Пути, интерпретация лунных пятен систематически различаются у балтов и славян и совпадают у балтов и прибалтийских финнов. Балто-финские варианты находят соответствия в текстах населения Среднего Поволжья. Толкование лунных пятен как девочки или молодой женщины с ведрами для воды распространено на всей территории Северной Евразии и характерно также для северо-западного побережья Северной Америки, для алгонкинов, живущих к северу от Великих Озер, и маори. Часть сибирских, индейских и маорийских текстов включает мотив куста, за который держится персонаж. Космоним «Плеяды-сито» может являться вариантом североевразийского представления о звездах как отверстиях в небе. Млечный Путь как дорога птиц характерен для балтов, угро-финнов и части тюрков, а также амурских эвенков и алгонкинов. Данные космонимы в Евразии распространялись с востока на запад. Они почти полностью отсутствуют у самодийцев.

Ключевые слова: космонимия, Плеяды, Млечный Путь, пятна на Луне, балты, угро-финны, самодийцы, тюрки, народы Сибири, индейцы северо-западного побережья Северной Америки, алгонкины, сэлиши.

В культурах Евразии за пределами тропической зоны основное внимание уделялось семи объектам ночного неба. Это Луна с пятнами на диске, Венера, Млечный Путь, Большая Медведица, Плеяды, Пояс Ориона, Полярная звезда. Другие планеты, звезды и созвездия выделялись в одних культурах и игнорировались в других. Хотя космонимов известно много, большая их часть зафиксирована локально и единично либо представляет собой варианты нескольких преобладающих образов. Устойчивость космонимической лексики и соответствующих мифопоэтических представлений делает их источником данных об этнокультурных процессах далекого прошлого.

*Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант 07-06-00441-а), INTAS (грант 05-10000008-7922), программ Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» и «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Границы распространения на континенте ряда современных и зафиксированных в письменных источниках космонимов не соответствуют границам языковых семей. Например, космонимия балтов и прибалтийских финнов идентична, хотя их языки принадлежат к двум неродственным семьям. В Восточной Прибалтике повсюду Млечный Путь – «дорога птиц» (перелетных), Плеяды – «сито», на Луне видна девушка с ведрами. К югу же и к западу от Балтийского моря, за исключением тех районов Польши и Белоруссии, где балтские языки относительно недавно были замещены славянскими [Вайшкунас, 2004, с. 169–170; Gładyszowa, 1960, s. 19, 28, 30; Niebrzegowska, 1999, s. 149], космонимия восточно-балтийского типа отсутствует. Исключений мало: Млечный Путь как «дорога птиц» известен лужичанам [Азимов, Толстой, 1995, с. 118], интерпретация Плеяд как сита зафиксирована у венгров [Mándoki, 1963, S. 519–520; Zsigmond, 2003, p. 434] и северных итальянцев [Volpati, 1932, S. 206]; «девушка с ведрами на Луне»

типична для большей части Болгарии и Македонии при единичной фиксации того же образа в Румынии [Маринов, 2003, с. 28; Младенова, 2006, с. 137, 263–264; Ценев, 2004, с. 47].

Несмотря на указанные аномалии, не вызывает сомнений, что основная космонимическая граница проходит именно между балтами и славянами и отсутствует между балтами и прибалтийскими финнами. Какие же исторические процессы могли привести к формированию подобного рубежа?

Плеяды как отверстия в небе

Не считая представления о Плеядах как о группе людей (эти образы отмечены в разных районах, но версии сильно разнятся), для Европы характерны три основных варианта осмысления данного звездного скопления (рис. 1).

Космонимы «курица с цыплятами», «наседка», «цыплята», «курочки» и т.п. типичны для Западной, Южной и Центральной Европы, Балкан, запада Украины [Бонева, 1994, с. 12; Янкович, 1951, с. 141; Младенова, 2006, с. 89–93; Святский, 1961, с. 120; Чубинский, 1872, с. 14; Andree, 1878, S. 106; Krappe, 1938, p. 152; László, 1975, p. 604; Matičetov, 1973,

S. 49; Niebrzegowska, 1999, S. 145; Smith, 1925, p. 124; Volpati, 1932, S. 194–205; 1933a, S. 507]. В этой зоне они не отмечены лишь у жителей большей части бывшей Югославии, а также Пиренейского полуострова (кроме басков). За пределами Европы «курица с цыплятами» характерна для Западной Африки и Судана [Hirschberg, 1929, S. 326–327; Meek, 1931, p. 200; Schwab, 1947, p. 413; Spieth, 1906, p. 557; Volpati, 1933a, S. 507], северо-востока Индии и для Юго-Восточной Азии [Andree, 1878, S. 107; Smith, 1925, p. 114; Vathanaprida, 1994, p. 39–41]. Возможно, что в прошлом данный космоним был известен в Передней Азии и Северной Африке [Volpati, 1932, S. 195], хотя в современном арабском Плеяды повсюду Сурайя – «люстра». Туареги именуют Плеяды «цыплята» [Rodd, 1926, p. 226]. Поскольку данный космоним отсутствует в античных источниках и связан с обозначением домашней курицы, можно предположить его относительно позднее распространение в пределах Европы.

Космонимы со значениями «гнездо (или яйца, яйцо) дикой утки», «стая уток» характерны для ненцев [Хомич, 1974, с. 232], коми-зырян [Святский, 1961, с. 120], удмуртов [Wichmann, 1987, p. 214, 273], а также обских угров [Munkácsi, 1908, p. 255; Steinitz, 1966–1993, S. 1412, 1636]. В Сибири и на северо-востоке Европы заметна корреляция этого космонима

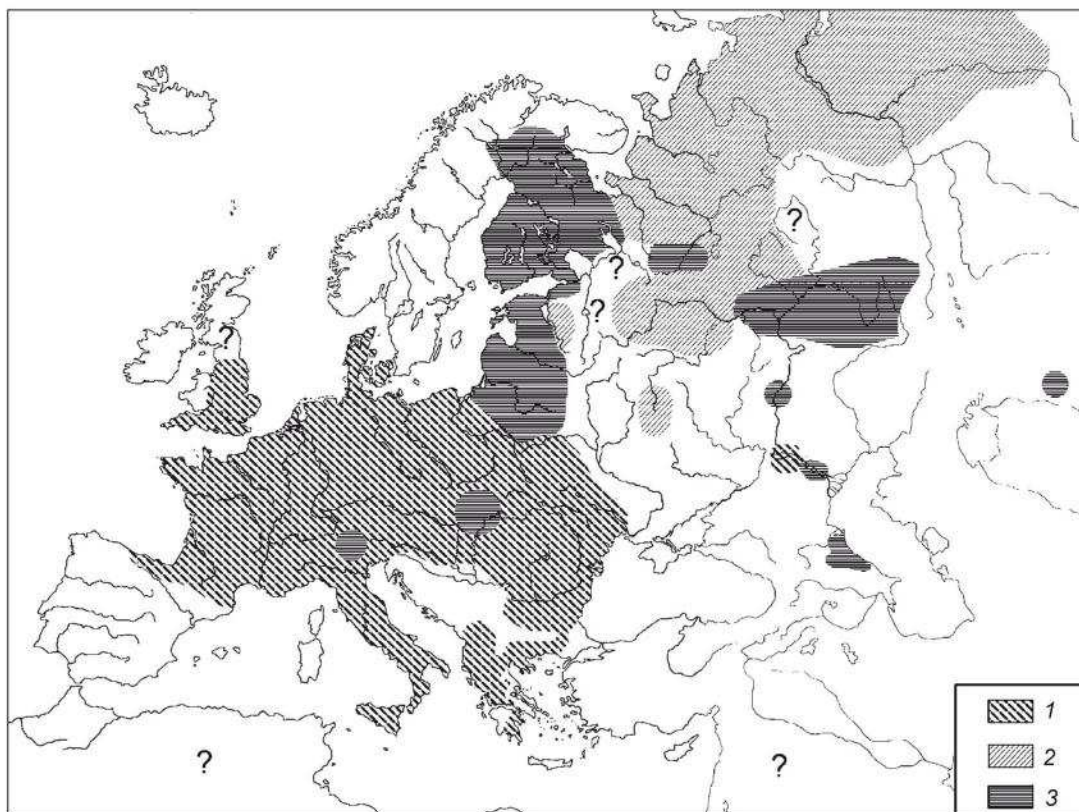

Рис. 1. Ареалы основных вариантов интерпретации Плеяд в Европе.
1 – курица с цыплятами; 2 – утиный выводок, утиное гнездо; 3 – решето, сито.

с уральскими языками, но немало и исключений. У селькупов Пляды – «заячьи полки» или «заячьи кучки» [Тучкова, 2004, с. 212]; смысл названия утрачен, параллелей в других традициях нет. У нганасан Пляды – «охотники, ловящие души умерших людей и убитых оленей» [Попов, 1984, с. 48]. Энецкое название «Кондику» [Долгих, 1961, с. 24] не этимологизируется, оно либо несамодийское, либо до неузнаваемости искажено при передаче*. У хакасов (тюрков по языку) Пляды – тоже «утиное гнездо» или «стая уток» [Бутанаев, 1975, с. 238]. Северные русские космоним «утиное гнездо» явно унаследовали от дославянского субстрата [Потанин, 1883, с. 730; Рут, 1987, с. 15]. Переселяясь за Урал, они принесли «утиное гнездо» в Восточную Сибирь. В литературе со ссылкой на У. Харва встречаются указания на наличие подобного образа у якутов и камчадалов [Младенова, 2006, с. 196; Lundmark, 1982, sid. 105], но это следствие недоразумения: У. Харва принял русский космоним за перевод названия Пляд с местных языков [Harva, 1933, p. 135]. Ту же ошибку, видимо, сделала М.В. Рут, упоминая энецкие материалы [1987, с. 47].

Сплошной и компактный ареал «утинового гнезда», в основном вписывающийся в зону бывшего распространения уральских языков, но пересекающий границы расселения как самодийцев, так и финно-угров, позволяет предполагать связь этого космонима с каким-то древним населением. Если оно и говорило на языке уральской семьи, то не оставило прямых языковых потомков.

Обозначение Пляд в качестве решета или сита характерно, как было сказано, для Восточной Прибалтики (древние пруссы, литовцы, латыши, ливы, эстонцы, финны) [Вайшкунас, 2004, с. 169; Кербелите, 2001, с. 65; Непокупный, 2004, с. 76–77; Allen, 1899, p. 397; Andree, 1878, S. 107; Kuperjanov, 2003, lk. 183–185; Mándoki, 1963, S. 519; Vaiškūnas, 1999, S. 167]. По води и вепсам данных нет (водские представления были, вероятно, близки эстонским), у саамов Пляды – «девушки» [Чарнолуцкий, 1930, с. 48; Lundmark, 1982, sid. 105]. В Среднем Поволжье «Пляды-сито» зафиксировано у чувашей [Золотницкий, 1874, с. 22; Сироткин, Иванов, 1970, с. 128; Юхма, 1980, с. 266; Mándoki, 1963, S. 520], марийцев [Акцорин, 1991, № 37, с. 83], татар [Воробьев, Хисамутдинов, 1967, с. 316; Потанин, 1883, с. 729], башкир [Максютова, 1973, с. 383], удмуртов (видимо, только южных) [Никонов, 1973, с. 376; Wichmann, 1987, с. 107]. В Поволжье только у мордвы Пляды – «пчелиный улей» [Святский, 1961, с. 121], интерпретация в подобном или сходных вариантах («пасека», «осиное гнездо»), известная также русским, украинцам, болгарам, венграм [Младенова, 2006, с. 115]. У русских космоним «сито»

в отношении Пляд зафиксирован у жителей Вологодской губ. и переселенцев на западных иноэтнических землях [Рут, 1987, с. 15; Святский, 1961, с. 121].

«Сито» характерно не только для Прибалтики и средней Волги, но и для Дагестана: оно отмечено, в частности, у кумыков, лаков, аварцев, андийцев, даргинцев, тавлинцев [Гамзатов, Далгат, 1991, с. 304–305; Потанин, 1883, с. 729–730]. Г.Н. Потанин отметил «сито» как обозначение Пляд у казахов Среднего Жуза и астраханских татар [1881, с. 126; 1919, с. 84]. Персидская параллель, предложенная А.П. Непокупным [2004, с. 80], ошибочна: слова «парвин» (Пляды – от «первый») и «парвизан» («сито») не являются однокоренными*. На северо-востоке Азии у коряков и чукчей В. Богораз и В. Иохельсон записали названия Ke'tmet и Kā'tmāc [Богораз, 1939, с. 29; Jochelson, 1908, p. 122] и перевели их как «маленькое сито», хотя, например, у чукчей основной образ Пляд – группа женщин [Богораз, 1939, с. 24]. Слово, близкое к «Ketmet», действительно этимологизируется как «сито для промывания лососевой икры», но не на палеоазиатских языках, а на юкагирском**.

Основных, компактных и крупных, ареалов «Пляд-сита» два – Восточная Прибалтика и Среднее Поволжье. Исторически их объединяет балтский субстрат или балтское влияние [Напольских, 1997, с. 158–161], а в более ранний период – распространение на этих территориях культур боевых топоров и шнуровой керамики (вопроса о степени преемственности между создателями этих культур и протобалтами я не касаюсь). Со временем в Поволжье данный космоним перешел от финно-угров к тюркам.

В Дагестан и Казахстан «сито» могло попасть из Поволжья в эпоху Золотой Орды (предположение В.В. Напольских), хотя столь поздняя диффузия плохо вяжется со специфической лакско-литовской параллелью: речь идет о сите, через которое бог просеял на землю злаки [Непокупный, 2004, с. 77; Халидова, 1984, с. 160]. К сожалению, о литовской мифологии известно лишь из поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш»; этого мало для ответственных заключений. Не ясен и статус венгерских материалов. Хотя само венгерское слово «szita», обозначающее сито, заимствовано у славян [Mándoki, 1963, S. 519–520], соответствующий небесный объект рассматривается именно как нечто дырявое [Zsigmond, 2003, p. 434]. То, что лишь венгры в Балканском регионе разделяют подобное представление, ставит под сомнение возможность заимствования ими образа Пляд у славянского населения Паннонии. Если же венгры принесли его с востока, то откуда? В Западной Европе космоним «реше-

*Личное сообщение И.М. Стеблина-Каменского, 2008 г.

**Личное сообщение О.А. Мудрака, 2008 г.

*Личное сообщение И.П. Сорокиной, 2008 г.

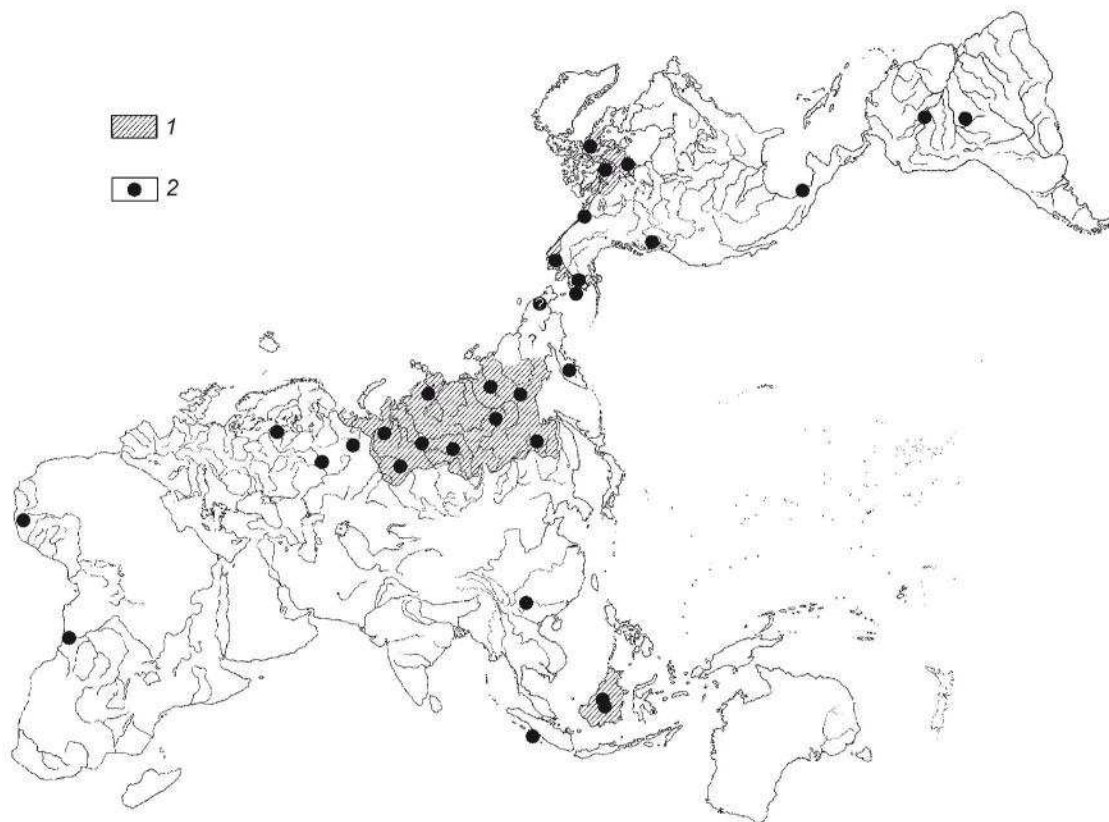

Рис. 2. Распространение представлений о звездах как об отверстиях в небе.
1 – предположительно сплошное распространение образа; 2 – конкретные районы фиксации образа.

то» (*crivello*) зафиксирован только на севере Италии в верховьях Адидже [Volpati, 1933a, p. 206; 1933b, p. 21]. Стоит отметить, что *crivello* – это не только «решето», но и «лопата для веяния зерна».

Таким образом, вопрос о происхождении в пределах Европы обозначения Плеяд как сита или решета пока далек от решения, единый источник для всех вариантов не очевиден. Но если рассматривать названия звездных объектов в общеевразийском масштабе, то данный космоним может быть осмыслен как частный случай более общего и шире распространенного образа – представления о звездах как об отверстиях.

Существенны сибирские параллели, причем не только упомянутые палеоазиатские. Этимология названия Плеяд в тюркских языках (Улкер, Юркер, Юркар и т.п.) дискуссионна. Согласно одной из гипотез, это «отдушина», «продырявливать» [Никонов, 1980б, с. 296]. А.В. Дыбо, крупнейший специалист по алтайским языкам, не считает это предположение обоснованным*. Вместе с тем для якутов такое значение подтверждено фольклорным текстом: герой делает рукавицы, чтобы заткнуть дыры в небе, из которых тянет холодом, и эти дыры – Плеяды [Holmberg, 1927,

p. 418]. У орочей и сахалинских уильта (ороков) Плеяды в ряде случаев – «семь дыр» [Подмаскин, 2006, с. 432], при обычном нижеамурско-приморском «семь женщин». Фольклорных повествований в связи с этим названием нет, но то же слово используется для обозначения жаберных отверстий миноги*. За пределами Северной Евразии представление о Плеядах как об отверстиях (звезды Плеяд его обрамляют) обнаружены у оджибва [Speck, 1915, p. 48], причем с учетом других азиатско-североамериканских космонимических параллелей [Березкин, 2005; Berezkin, 2006] не исключена историческая связь данного образа с сибирскими представлениями.

Что касается образа не конкретно Плеяд, а любых звезд как небесных отверстий, то он известен в Африке (Либерия, устье Конго, Южная Африка [Koekemoer, 2007, p. 75; Pechuël-Loesche, 1907, S. 135; Schwab, 1947, p. 413]), а также Западной Индонезии (ментавай, клемантан, каян [Hose, MacDougall, 1912, p. 142, 214; Schefold, 1988, S. 71]) и Южном Китае (мяо [Итс, 1960, с. 107]). Только в Северной Евразии, Американской Арктике и, может быть, на Калимантане представление о звездах-отверстиях господствует (рис. 2).

*Личное сообщение А.В. Дыбо, 2008 г.

*Личное сообщение А.М. Певнова, 2008 г.

Оно единично зафиксировано у эстонцев [Kureĵanov, 2003, lk. 125], марийцев [Акцорин, 1991, № 26, с. 59–60], коми [Аристэ, 2005, № 136, с. 163] и может считаться обычным у ненцев [Ненянг, 1997, с. 214, 224; Хелимский, 1982, с. 399], нганасан [Попов, 1984, с. 45; Симченко, 1996, с. 191], хантов [Лукина, 1990, № 8, с. 67–69], кетов [Алексеев, 1976, с. 79; Дульзон, 1966, с. 15–17; 1972, с. 83–86], якутов [Гурвич, 1977, с. 199; Эргис, 1967, с. 134], эвенков [Василевич, 1959, с. 161–162; Воскобойников, 1960, с. 296], эвенов [Бурыйкин, 2001, с. 114], негидальцев*. Косвенная или менее определенная информация есть по чукчам и ительменам [Эргис, 1974, с. 134; Jochelson, 1961, p. 71–74]. В Северной Америке представление о звездах как об отверстиях характерно для аборигенов Американской Арктики (центральные юпик, включая проживающих на о-ве Нунивак, инупиат, эскимосы устья Маккензи, карибу, нетсилик, иглулик [Lantis, 1946, p. 197; MacDonald, 1998, p. 33; Nelson, 1899, p. 495; Ostermann, 1942, p. 56, 58; 1952, p. 128; Rasmussen, 1930, p. 79]), что важно в свете гипотезы об отличном от остальных аборигенов Нового Света и относительно недавнем сибирском происхождении эскимосов. У индейцев отмечены представления об одной конкретной (обычно Полярной) звезде как об отверстии для проникновения в верхний мир, но образ звезд вообще как дыр в небосводе встречается лишь изредка в удаленных друг от друга районах Северной и Южной Америки (сэлиши томпсон, тотонаки, тукуна, тупари [Boas, 1895, № 4, S. 17–18; Caspar, 1975, S. 188; Ichon, 1969, p. 36; Nimuendaju, 1952, p. 123–124]). Подавляющее большинство народов Америки, как и Африки, Австралии, Океании и индотихоокеанской окраины Азии, интерпретировало звезды в качестве класса объектов только одним образом – это люди, духи, некие существа.

Млечный Путь как дорога птиц

Второй космоним, западный рубеж распространения которого примерно совпадает с литовско-польским пограничьем, – это обозначение Млечного Пути в качестве дороги птиц (рис. 3). Имеются в виду перелетные птицы – гуси, утки, лебеди, журавли. «Дорогу птиц» иногда рассматривают в качестве варианта представления о Млечном Пути как о «дороге душ» [Kureĵanov, 2001, lk. 110]. Оба образа близки по семантике [Азимов, Толстой, 1995, с. 118], однако космоним «птичья дорога» специфичен, порой сосуществует с «дорогой душ» как отдельный образ [Айхенвальд, Петрухин, Хелимский, 1982, с. 164] и на территориях, где сезонные перелеты птиц замечены фольклорной традицией, распространен далеко не везде.

«Дорога птиц» («дорога диких гусей», «дорога журавлей», «птичья тропа», «след дороги птиц» и т.п.) известна преимущественно представителям трех языковых семей – балтам, финно-уграм (но не самодийцам) и тюркам. Это латыши и литовцы [Кербелите, 2001, с. 57; Gładyszowa, 1960, P. 77–78; Vaiškūnas, 1999, S. 173], ливы [Toivonen, 1937, S. 123], эстонцы [Пустыльник, 2002, с. 268; Kureĵanov, 2003, lk. 150–151], финны [Erdödi, 1968, S. 110–111], саамы [Ibid, S. 111; Toivonen, 1937, S. 123], марийцы [Акцорин, 1991, с. 55–56; Васильев, 1907, с. 12; Erdödi, 1968, S. 110], мордва [Девяткина, 1998, с. 118], чуваша [Ашмарин, 1984, с. 26; Золотницкий, 1874, с. 22; Родионов, 1982, с. 168], казанские татары [Воробьев, Хисамутдинов, 1967, с. 316], башкиры [Бараг, 1987, с. 33; Руденко, 1955, с. 315], удмурты [Верещагин, 1995, с. 81; Мошков, 1900, с. 197; Потанин, 1883, с. 740; Erdödi, 1968, S. 110], коми [Потанин, 1883, с. 943; Erdödi, 1968, S. 110; Napolskikh, 1992, p. 6], казахи [Каруц, 1911, с. 125; Потанин, 1881, с. 126–127; Сидельников, 1962, с. 268], киргизы [Абрамзон, 1946, с. 65; Потанин, 1881, с. 127; Фиельструп, 2002, с. 217, 227], каракалпаки [Никонов, 1980а, с. 248]. Туркмены сохраняли космоним «дорога птиц» до середины XIX в. [Там же; Никонов, 1980б, с. 293]. Он был известен также хантам и манси [Erdödi, 1968, S. 109–110; Munkácsi, 1908, p. 254; Napolskikh, 1992, p. 8], а до XVI в. и венграм [Никонов, 1980а, с. 248], очевидно, принесшим подобный образ со своей восточной прародины. Другое характерное для обских угров обозначение Млечного Пути – «лыжный след» – связано с мифом об охоте на небесного лося [Erdödi, 1968, S. 116] и является единственным или абсолютно преобладающим у самодийцев и народов Восточной Сибири, нижнего Амура и Аляски. У обских угров оба обозначения существуют независимо друг от друга и относятся к разным циклам мифологических представлений.

Русские называли Млечный Путь «гусиной дорогой» в Вологодской, Вятской, Пермской, Тульской, Смоленской, Калужской губерниях, а также в Сибири [Гура, 1997, с. 671; Рут, 1987, с. 13], белорусы – в пинском Полесье [Гура, 1997, с. 658], украинцы – в районе Луцка на Вольни [Мошков, 1900, с. 205; Чубинский, 1872, с. 15]. Примерно там же, в Полесье и на Вольни, зафиксирован образ Плеяд как сита. Однако ареалы «сита» и «дороги птиц» совпадают не полностью, последний космоним распространен шире. Существенно добавление не столько саамов, сколько тюрков за пределами Поволжья – казахов, киргизов, каракалпаков, туркмен. При этом речь идет не о всех тюрках. Отсутствие «дороги птиц» у саяно-алтайских народов, узбеков и, видимо, уйгуров, ставит под сомнение прототюркское происхождение космонима. У населения юга России, большей части Украины и у южных славян данный космоним отсутствует.

*Личное сообщение А.М. Певнова, 2008 г.

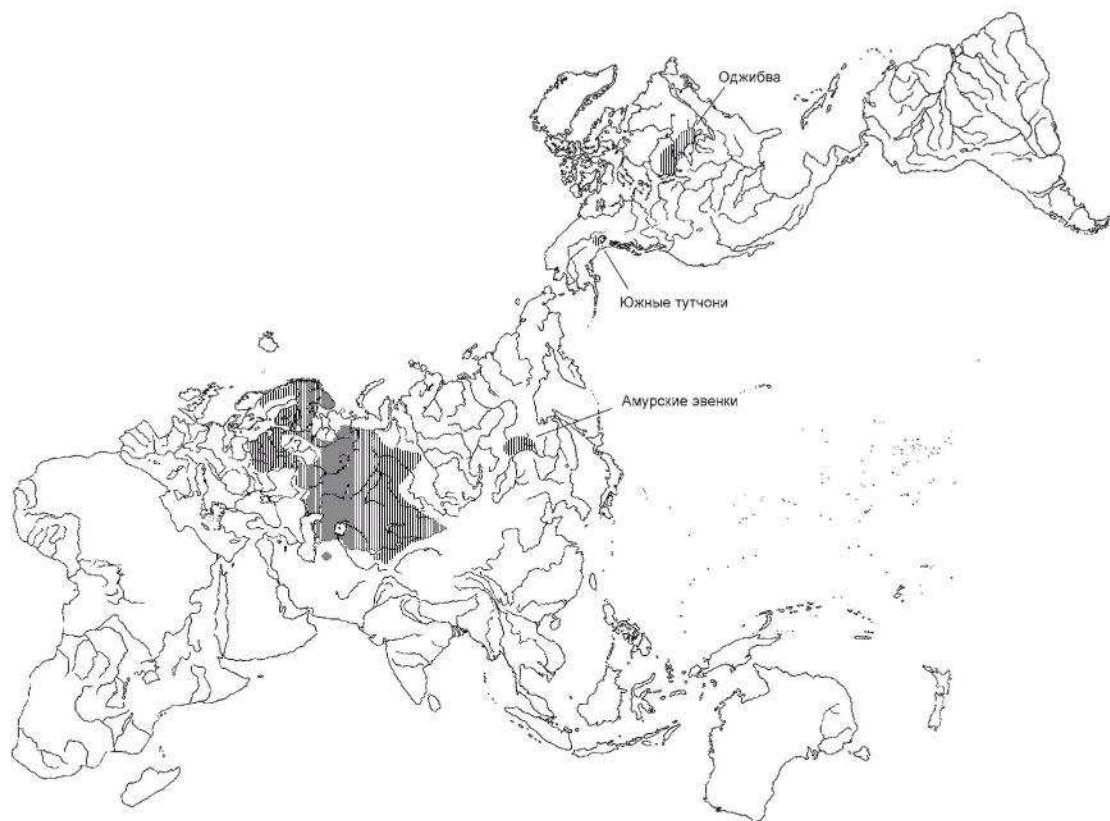

Рис. 3. Распространение представлений о Млечном Пути как о дороге перелетных птиц.

«Дорога птиц» известна эвенкам на среднем Амуре [Василевич, 1969, с. 210], а в Америке – алгонкинам, к северу от Великих Озер – оджибва (зафиксировано у двух групп близ оз. Гурон [Miller, 1997, р. 60; Speck, 1915, р. 79]) и солто [Hallowell, 1934, р. 394]. Не ясно, имеют ли отношение к делу материалы по атапаскам тутчони, живущим в Канаде близ границы с Южной Аляской, у которых Млечный Путь есть дорога гагары – персонажа мифа об ослепшем и прозревшем охотнике [McClelland, 1975, р. 78].

Судя по ареалу «дороги птиц», связывать происхождение космонима с балтами или тюрками нет оснований. «Дорога птиц» финно-уграм, скорее всего, была знакома с древности. Однако отсутствие мотива у самодийцев затрудняет его протоуральскую атрибуцию. Вместе с тем данный образ, если только он не возник у эвенков и алгонкинов самостоятельно, должен был появиться в Евразии задолго до разделения протоуральцев на две основные ветви.

Лунная водоноша

Третий космоним, знакомый балтам и финно-уграм и почти не представленный у славян, – девушка с ведрами на Луне (рис. 4). Два связанных с ним сюжета

встречаются наиболее часто. Сюжет первый: Месяц из жалости забирает к себе посланную за водой сироту, падчерицу и т.п. Второй: Месяц делает это, наказывая девушку или молодую женщину за высокомерие и хвастовство. С тех пор на Луне видна фигура девушки или девочки с ведрами. У балтов (литовцы [Кербелите, 2001, с. 70; Лауринкене, 2002, с. 365; Vaiškūnas, 2006, р. 158], латыши [Погодин, 1895, с. 440]) и прибалтийских финнов (эстонцы [Kuperjanov, 2003, lk. 72; Peebo, Peegel, 1989, lk. 282; Sullöv et al., 1995, lk. 94], воль [Ariste, 1974, lk. 5; 1977, lk. 175; Ernits T., Ernits E., 1984, lk. 579]) зафиксированы оба варианта, как и другие, более редкие объяснения. Так, у карел в руках девушки не ведро с водой, а подойник [Евсеев, 1981, с. 313]. Детали вепской «легенды» в источнике не сообщаются [Егоров, 2003, с. 129]. У саамов Солнце хватает девушку, чтобы отдать ее в жены своему сыну, и бросает ее на Луну, где она теперь видна вместе с коромыслом и ведрами [Чарнолуцкий, 1962, с. 68–79]. В Волжско-Пермском регионе «лунная водоноша» есть у коми-зырян [Аристэ, 2005, № 109, с. 105; Лимеров, 2005, № 58, с. 55–56], коми-пермяков [Konakov et al., 2003, р. 312], удмуртов [Верещагин, 1995, с. 85–86; Владыкин, 1994, с. 322; Потанин, 1883, с. 776], чувашей [Ашмарин, 1984, с. 25; Вардугин, 1996, с. 260; Денисов, 1959, с. 15–16; Егоров,

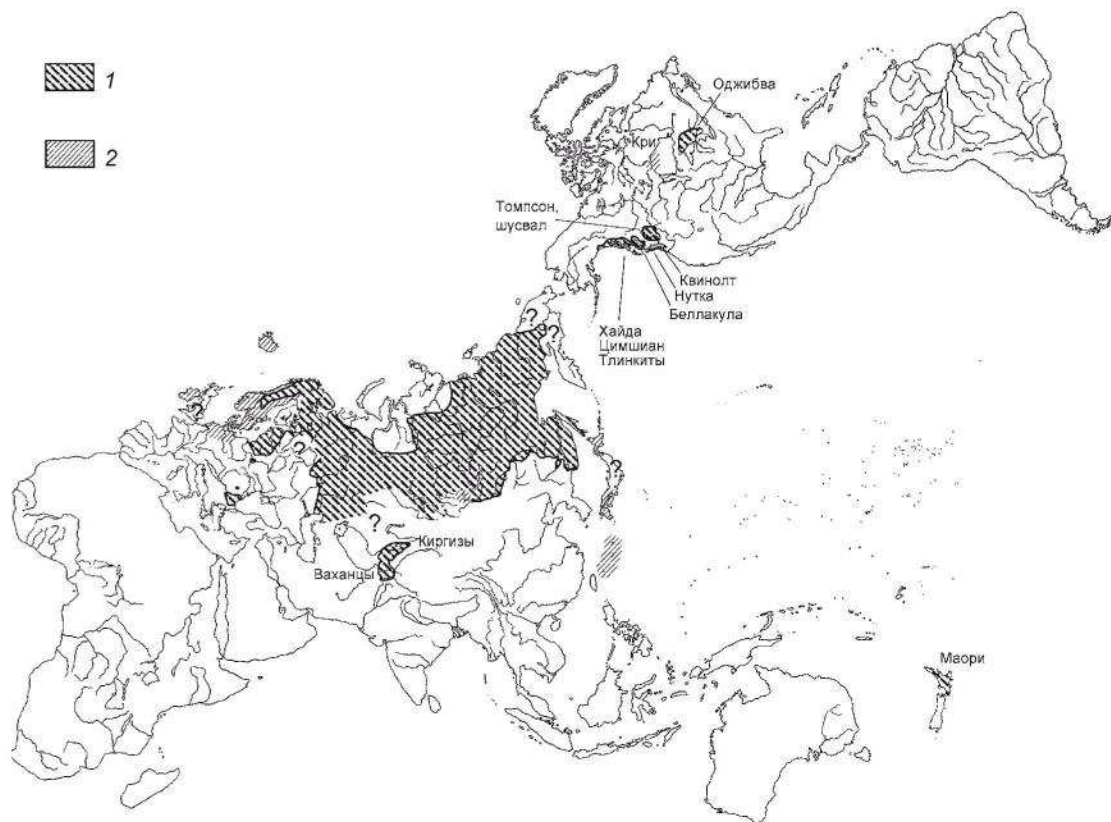

Рис. 4. Распространение интерпретаций лунных пятен как фигуры человека с ведром в руках, пошедшего за водой.

1 – девушка, женщина; 2 – двое детей, мальчик, юноша, мужчина.

1995, с. 120], марийцев [Акзорин, 1991, № 37–42, с. 83–87; Мошков, 1900, с. 197], башкир [Надршина, 1985, № 6, 7, с. 12, 13; Руденко, 1955, с. 315], татар [Воробьев, Хисамутдинов, 1967, с. 314–315]. Встречается в основном вариант с сироткой; мотив женщины, насмехавшейся над Месяцем, отсутствует. У башкир и чувашей есть мотив Месяца, забравшего девушку, в которую он влюбился. Как и в случае с «ситом», мордва Поволжья составляет исключение – мотива «лунной водоноши» в мордовском фольклоре обнаружить не удалось. У русских мотив «водоноши-сиротки» зафиксирован, кажется, только в Вятской губ. [Белова, 2004, № 1305, с. 521], мотив парня и девушки, пошедших за водой и чересчур пристально смотревших на Луну, – в Архангельской [Гура, 2006, с. 462]. Вряд ли эти материалы исчерпывающие, поскольку данный раздел космоимии на севере России специально не изучался. Украинская «лунная водоноша» отмечена только на Волини [Там же, с. 262], т.е. там же, где фиксируется «дорога птиц».

Как и «дорога птиц», «лунная водоноша» в варианте «бедная падчерица» отмечена у киргизов [Брудный, Эшмамбетов, 1968, с. 11–13] и казахов. Казахские материалы получены недавно в Актюбин-

ской обл.* Ранее представления казахов о лунных пятнах не исследовались, поэтому отсутствие данных по восточным группам казахов, а также по каракалпакам не показательно. От киргизов мотив посланной за водой и оказавшейся на Луне бедной падчерицы мог проникнуть на Памир, где известен по крайней мере ваханцам**. «Лунная водоноша» (как «бедная падчерица», так и «женщина, ведшая себя непристойно») зафиксирована у сибирских татар [Валеев, 1976, с. 329; Уразалеев, 2005, с. 4]. Северным самодийцам, а также северным селькупам мотив не известен. У южных селькупов это пошедшая по воду девочка или девушка, дразнившая Месяц [Головнев, 1995, с. 330–331; Пелих, 1972, с. 322–323], у хантов – дразнившие его мальчик с девочкой либо только девочка [Кулемзин, Лукина, 1978, № 4, 5, с. 15–16], у манси – молодая женщина с ведрами (объясняющий этот образ миф, вероятно, утрачен)***, у кетов – дразнившая Месяц девушка или женщина [Алексеенко, 1976, с. 84]. У хакасов

*Личное сообщение И.В. Стасевич, 2006 г.

**Личное сообщение Б. Лашкарбекова, 2005 г.

***Личное сообщение О.С. Ивановой, 2009 г.

распространена та же история про бедную падчерицу, что и у киргизов, казахов и сибирских татар [Бутанаев, 1975, с. 232]. Для Алтая мотив не характерен. Лишь в одном из многих текстов повествуется о том, как на Луне оказался людоед Тильбеген (Джелбиген и т.п.), Месяц хватает его, когда тот идет по воду с коромыслом [Анохин, 1997, с. 5–6]. Данные по шорцам и тувинцам отсутствуют, у тофаларов на Луну попадает посланный за водой мальчик-сирота [Рассадин, 1996, № 3, с. 10]. У дархатов района оз. Хубсугул на Луну попали двое пошедших за водой мальчиков*. Среди трех текстов такого рода один получен от информанта, чьи родители были монголы-халха, но жили среди дархатов Хубсугульского аймака. В других районах Монголии мотив не известен, и похоже, что он приурочен именно к Сибири, но не к Центральной Азии. Хубсугульские дархаты сравнительно недавно перешли на монгольский язык и по культуре близки тувинцам-тоджинцам [Жуковская, 1988, с. 151]. В начале XX в. дархатские шаманы еще призывали духов по-тувински [Санжеев, 1930, с. 7].

Видимо, от домонгольского субстрата мотив попал и к бурятам, у которых он многократно фиксировался в форме, близкой варианту «бедная падчерица»: мачеха (либо родная мать, но вышедшая замуж повторно) посылает дочь за водой и желает, чтобы Луна ее забрала [Галданова, 1987, с. 17; Потанин, 1883, с. 190–193; Хангалов, 1958, с. 319; 1960, с. 14; Шаракшинова, 1980, с. 49–50]. Разным группам якутов [Алексеев, Емельянов, Петров, 1995, с. 197–199; Гурвич, 1948, с. 130; 1977, с. 199; Овчинников, 1897, № 5, 6, с. 179–181; Попов, 1949, с. 260–261; Серошевский, 1896, с. 667; Толоконский, 1914, с. 89; Худяков, 1969, с. 279, 372–373], эвенков [Василевич, 1936, с. 73–74; 1959, с. 165; Воскобойников, 1967, с. 159; Потанин, 1893, с. 385; Рычков, 1922, с. 83–84], а также эвенкам [Новикова, 1987, с. 43–44] мотив «лунной водоноши» известен в основном в варианте «бедной падчерицы», хотя изредка встречается и мотив двух детей, засмотревшихся на Луну и притянутых к ней [Худяков, 1969, с. 279]. «Лунная водоноша» в идентичном эвенкийскому варианту («бедная падчерица») отмечена у негидальцев [Хасанова, Певнов, 2003, р. 55–56; Лопатин, 1922, с. 330] и нанайцев [Арсеньев, 1995, с. 152; Лопатин, 1922, с. 330; Чадаева, 1990, с. 34–35], но не у народов Приморья и Сахалина, что

позволяет связывать этот мотив именно с тунгусами, а не с дотунгусским амуро-сахалинским субстратом. Сам образ видимой на Луне девушки или женщины, держащей ведро или черпак для воды, удэгейцам и нивхам, однако, известен [Крейнович, 1973, с. 32–33; Подмаскин, 1991, № 17, с. 125; Исида, 1998, с. 24]. В варианте сахалинских и хоккайдоских айну на Луне видна пошедшая за водой девушка, которую Месяц взял в жены [Пилсудский, 1991, № 3, с. 70–72; Pilsudski, 1912, № 3, р. 73–74] или которая оскорбила Луну, обвинив ее в безделье и позавидовав ей [Исида, 1998, с. 24–25], либо на Луне виден оскорбивший ее таким же образом мальчик [Batchelor, 1927, р. 260]. Мотив женщины с ведрами на луне (без подробностей) отмечен и в Южной Японии**, а на островах Мияко и Окинава записаны мифы, объясняющие, как на Луне появился водоноша-мужчина [Невский, 1996, с. 267–269]. На северо-востоке Азии мотив лунной водоноши в варианте «бедная сирота» зафиксирован у юкагиров [Николаева, Жукова, Демина, 1989, № 2, с. 21–23] и русскоязычных марковцев, в состав которых вошел юкагирский (чуванский) субстрат**. У палеоазиатов «водоноша» отсутствует, хотя у чукчей, коряков и ительменов есть менее специфичный мотив девочки, оказавшейся на Луне [Беретти, 1929, с. 36; Богораз, 1939, с. 22–23; Поротов, Косыгин, 1969, с. 33; Bogoras, 1928, № 2, р. 301–302].

Для многих сибирских текстов (хакасы, тофалары, буряты, кеты, селькупы, ханты, якуты, юго-восточные эвенки) характерна следующая подробность: поднятая на Луну водоноша пытается удержаться за куст и видна теперь на Луне вместе с кустом и ведрами. Та же деталь есть у ваханцев и коряков. У последних [Беретти, 1929, с. 36] про ведра не сказано, но весь эпизод с пришедшей к реке гонимой злой матерью девушкой похож на якутские и эвенкийские варианты. В Южной Сибири у телеутов, алтайцев, хакасов данный мотив встречается и без связи с мотивом водоноши – за куст пытается ухватиться утянутый на Луну людоед.

Таким образом, мотив девочки или молодой женщины, пошедшей за водой и оказавшейся на Луне, представлен в Евразии от Балтики до Охотского моря. За границами ареала, но примыкая к нему, встречаются варианты, в которых либо утрачен мотив воды, за которой отправляется персонаж, либо в рассказах фигурируют не девушка, а мальчик, мужчина, двое детей. Мотивировка, согласно которой Месяц забирает персонаж из жалости, на периферии распространения мотива лунной водоноши прослеживается только у коряков. Среди периферий-

*Архипова А.С., Дорж Д., Козьмин А.В., Неклюдов С.Ю. (руководитель), Санжааханд И., Соловьева А.А. Материалы российско-монгольской фольклорной экспедиции Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ и Института языка и литературы Монгольской академии наук в Хубсугульский и Булганский аймаки, август 2007 г. (в рамках проекта «Монгольские мифологические традиции: ареальный и сравнительно-типологический ракурсы», проект РГНФ – МинОКН МНР 07-01-92070e/G).

*Личное сообщение К. Иноуи, 2005 г.

**Хаккарайнен М.В. Интервью с Дьячковым Юрием Борисовичем, 37 лет. Марково. 02.06.1999 г.

ных материалов, помимо монгольских, японских и палеоазиатских, следует упомянуть западно- и северо-европейские. В текстах, зафиксированных в Ирландии, на Луне видны два мальчика, несущие на жерди ведро с водой [Кгарре, 1938, р. 120], на севере Германии – человек с кувшином в руках, ребенок с ведром, вор, несущий два украденных ведра с водой [Исида, 1998, с. 20–21; Кгарре, 1940, р. 168; Wolf, 1929, S. 55–56]. То же и в Скандинавии – двое детей с коромыслом и ведром [Младшая Эдда, 1970, с. 20], два старика, пытавшиеся залить Луну водой [Кгарре, 1938, р. 120].

В Новом Свете мотив «лунной водоноши» есть в фольклоре большинства индейцев северо-западного побережья Северной Америки и бассейна р. Фрейзер в границах Плато. Некоторые тексты сходны с типичным евразийским вариантом «женщина оскорбляет Луну».

Тлинкиты. Одна из двух девушек говорит, что Луна похожа на лабретку ее бабушки. Обе девушки тотчас оказываются на Луне. Обидевшая Луну падает и разбивается, ее подруга видна на лунном диске с ведром в руке [Swanton, 1908b, р. 453].

Хайда. Женщина, пошедшая за водой, указывала пальцем на Луну. Ей показалось, что в колодце кто-то сидит, она указала пальцем на этого человека, ночью почувствовала жажду, вернулась к колодцу, человек схватил ее за руку. Женщина повернулась к полной Луне, показала язык. Ее потащило вверх, она ухватилась за куст и теперь с ведром в руках, держась за куст, видна на Луне [Swanton, 1908a, р. 450–452].

Цимшиан (р. Несс). Женщина показывает пальцем на Месяц и на его отражение. Месяц забирает ее на небо, когда она несет куст ягод. Ее видно на лунном диске с кустом и с ведром в руках [Voas, 1916, р. 864].

Беллакула. На Луне видно женщину с ведром воды в руках [McIlwraith, 1948, р. 225].

Увикино. Мальчик капризничает, сестра выставляет его за дверь, дает для игры ведро. Он все равно плачет, сестра предупреждает, что Месяц его заберет. Месяц спускается, уносит его. Теперь мальчика с ведром в руках видно на лунном диске [Voas, 1895, S. 217; 2002, р. 457].

Нутка. Месяц спустился, попросил воды, девушка вышла с ведром из дома, он ее унес. Позже спустился снова, попросил воды у другой девушки. Мать похищенной велела ей не выходить из дома, но она не послушалась и тоже пропала. Именно эту девушку видно с тех пор на Луне с ведром в руках [Voas, 1895, S. 191; 2002, р. 409].

Шусвап. Во время перекочевки жена Месяца спрашивает, где ей устроиться на ночлег. Месяц отвечает, что у него на щеке. Жена прыгает ему на щеку и те-

перь видна там. В ее руках ведра, в которых растапливают снег, и снеговая лопата [Teit, 1909, р. 653].

Томпсон. Месяц посылает сестру за водой, та возвращается, ей некуда сесть. Он предлагает ей сесть ему на лицо. На Луне теперь видна женщина с ведрами в руках [Teit, 1898, р. 91–92].

Квинолт. Месяц сперва ярк как солнце. Все девушки стремятся к нему, но он выбирает Лягушку. Теперь она, держащая в руках короб с имуществом и ведро, видна на лунном диске [Thompson, Egesdal, 2008, р. 207–209].

В трех последних текстах с мотивом «лунной водоноши», типичным для Северо-Западного Побережья, соединен типичный для ээлишей мотив женщины, обычно Лягушки, прилипшей к лицу Месяца и различимой с тех пор в силуэте лунных пятен.

За пределами Северо-Западного Побережья «лунная водоноша» зафиксирована у алгонкинов, живущих к северу от Великих Озер. В мифе кри (группа Сэнди Лейк) мать, посылая сына за водой, не велит ему смотреть на Луну. Юноша пропадает и с тех пор виден на лунном диске с ковшом и ведром [Ray, Stevens, 1971, р. 81]. В мифе оджибва женщина готовит кленовый сироп, переливая его из одного ведра в другое, и здесь же мочится. Увидев это, оскорбленная Луна забирает женщину вместе с ведром. Муж Луны Солнце наказывает жену – заставляет вечно таскать свою жертву с собой, поэтому на Луне различима женщина с ведром [Jones, 1919, р. 637].

«Лунная водоноша» известна маори Новой Зеландии. Когда Хина набрала калебасой воды, тучи закрыли Луну. Хина споткнулась, вода разлилась. Хина стала ругать Луну, та схватила ее, Хина ухватилась за куст. Теперь ее видно на Луне с кустом и калебасой в руках [Исида, 1998, с. 26]. В другом варианте на Луне оказывается мужчина Рона [Reed 1999, N 16, р. 190–192]; еще в одном тексте Роной зовут женщину [Dixon, 1916, р. 87–88], так что вариант с женщиной у маори, скорее всего, преобладал. Параллели этому мифу, хотя и неполные, есть на других островах Полинезии, в ряде текстов упоминаются и оказавшиеся на Луне вместе с женщиной сосуды для воды [Beckwith, 1970, р. 220–221; Dixon, 1916, р. 88; Williamson, 1933, р. 100]. При всей удаленности Новой Зеландии от Сибири истоки маорийского мифа следует искать в Восточной Азии на вероятной языковой прародине австронезийцев, ибо в Меланезии и Индонезии ничего подобного нет. Мотив куста, за который ухватилась подошедшая к реке и поднятая на Луну женщина, надежно связывает маорийский вариант с теми, которые характерны для хайда, цимшиан и сибирских народов (а также для ваханцев). Приписывать распространение мифов со столь специфическими подробностями влиянию европейцев или считать их возникшими независимо трудно.

Выводы

Ареалы трех рассмотренных космонимов в основном совпадают, отражая следующие закономерности распространения. Все мотивы характерны для Восточной Прибалтики и Среднего Поволжья, причем самая южная из средневожских групп (мордва) – единственная в своем ареале, у которой «Плеяды-сито» и «лунная водоноша» не обнаружены. Все мотивы зафиксированы в Северной и реже Центральной России и не характерны для юга России и для Украины, кроме небольшого анклава на Волыни. К восточным славянам эти мотивы явно попали от субстратного населения. Северные самодийцы (ненцы, энцы и нганасаны) с данными мотивами не знакомы, у селькупов, причем только у южных, есть лишь «лунная водоноша». «Дорога птиц» известна всем финно-уграм, «лунная водоноша» – почти всем, кроме мордвы и венгров. «Дорога птиц» и «лунная водоноша» есть у казахов и киргизов при отсутствии или почти полном отсутствии данных мотивов у тюрков Саяно-Алтая. У казахов Среднего Жуза зафиксировано также «сито» как обозначение Плеяд. К востоку от Енисея распространены лишь мотив «лунной водоноши», который у якутов, тунгусов и бурят отмечен многократно. Однако если считать «сито» частным вариантом образа Плеяд как небесных отверстий, то и этот последний мотив связывает Восточную Европу с Сибирью. Кроме того, амурским эвенкам «дорога птиц» также известна. У алгонкинов к северу от Великих Озер есть «дорога птиц» и «лунная водоноша» при возможной параллели для образа Плеяд как отверстия в небе. «Лунная водоноша» характерна также для индейцев Северо-Западного Побережья и элишей северной части Плато. При полном отсутствии данных мотивов у индейцев, живущих южнее ареалов оджибва и элишей, сибирское происхождение подобных образов вероятно. Это отодвигает их датировку в Евразии как минимум к раннему голоцену.

Заселение освобождавшихся от льда территорий на севере Восточной Европы шло в основном с юга. Первые послеледниковые культуры Восточной Прибалтики восходят к позднеледниковой свидерской культуре, что подтверждается данным краниологии и популяционной генетики [Niskanen, 2002, p. 144–147]. Распространение ряда мифологических мотивов согласуется с подобным сценарием [Напольских, 1990]. Однако, учитывая конфигурацию ареалов рассмотренных космонимов, можно предположить, что какие-то потоки мигрантов двигались с востока. Даже если не брать во внимание наличие «дороги птиц» у эвенков и алгонкинов и не считать мотив звезд-отверстий достаточно специфичным, конфигурация зоны распространения «лунной водоноши» достаточно убедительно свидетельствует в пользу трансевразийской

миграции. Учитывая детальные американские и полинезийские параллели восточно- и южно-сибирским вариантам, восток Северной Евразии скорее, нежели запад, следует считать древнейшей зоной распространения мотива. Болгаро-македонский анклава образа «лунной водоноши» явно не может быть источником для сибирских и тем более индейских и полинезийских мифов. Эти балканские материалы скорее отражают какие-то поздние балтийско-балканские связи*.

В финальном плейстоцене – раннем голоцене в Северной и Центральной Евразии происходила, по всей вероятности, детализация представлений об объектах ночного неба. Из Евразии соответствующие идеи были принесены в Северную Америку. В пределах индо-тихоокеанской окраины Азии, в Австралии, Южной и Центральной Америке космонимия развивалась самостоятельно, она не обнаруживает параллелей с североевразийско-североамериканским кругом образов и сюжетов. В Африке южнее Сахары она почти вовсе не развивалась. Поскольку новые образы в Сибири и Восточной Европе не вытесняли старые, а добавлялись к ним, распространить эти образы через всю Северную Евразию могли даже небольшие группы мигрантов с востока. Если это были лесные охотники и рыболовы, то естественной границей их движения оказалась Балтика. На мой взгляд, этим в конечном счете и объясняются различия в наборах космонимов в Восточной Прибалтике и Центральной Европе. Вполне вероятно, что к трем рассмотренным выше образам, имеющим трансевразийское распространение, некогда примыкал и образ Большой Медведицы как группы охотников, преследующих животное [Березкин, 2005]. В Прибалтике, однако, он был вытеснен представлением о Большой Медведице как о повозке.

Список литературы

- Абрамзон С.М. Очерк культуры киргизского народа. – Фрунзе: Изд-во Кирг. филиала АН СССР, 1946. – 122 с.
 Азимов Э.Г., Толстой Н.И. Астрономия народная // Славянские древности. – М.: Международ. отношения, 1995. – Т. 1. – С. 117–119.
 Айхенвальд А.Ю., Петрухин В.Я., Хелимский Е.А. К реконструкции мифологических представлений фин-

*Чтобы установить происхождение «лунной водоноши» у болгар, желательно сопоставить болгарские материалы с сербскими. Однако известные нам сербские истолкования лунных пятен, скорее всего, позднего происхождения и включают лишь варианты, обычные для всей христианской Европы [Јанковић, 1951, с. 108–109]. Характерная для болгарских вариантов ситуация «парень и девушка приходят к колодцу и оказываются на Луне» встречается еще лишь у северных русских [Гура, 2006, с. 462].